

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

doi: 10.26907/2541-7738.2023.6.7-18

ЦЕЛИ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОБЩЕПРАВОВЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Э.Е. Исаев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы формирования целей современной правовой процессуальной политики России. Внимание автора акцентируется на методологическом обеспечении исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере. Для всестороннего и комплексного изучения целей правовой процессуальной политики методологическое значение имеют: проблема классификации ценностей на абсолютные и относительные, соотношение категорий «правовой процесс» и «юридический процесс», расстановка приоритетов и задач тактических и стратегических целей, конституционно-правовая доктрина защиты прав и свобод граждан и многое другое, что требует сосредоточения внимания теоретического правоведения на проблемах концепции правовой процессуальной политики России. При этом доминирующими целями будут являться те, на регламентацию которых ориентировано публичное или частное право, исходя из предназначения данных институтов.

Ключевые слова: правовая политика, правовая процессуальная политика, методология, цели права, интересы, прогнозирование в праве, теория справедливости

Обоснование самостоятельного направления правовой политики – правовой процессуальной политики – требует от исследователя уяснения и разъяснения целей конкретной теоретической конструкции. Учение о целях – телеология (термин введен в научный оборот Х. Вольфом в 1728 г.) – изначально формировалось древнегреческими мыслителями Сократом и Платоном с позиций того, что в природе и социальном мире все взаимосвязано и «удерживается благом и должным», то есть с точки зрения понимания блага как цели всего сущего. В трудах Аристотеля природа причинности всех явлений состоит из четырех компонентов: материальные, деятельные (деятельностные), формальные и целевые причины. Последние в философско-правовом аспекте объясняют существование в правовой среде смыслов, ценностей и норм права с точки зрения их наличия не только в функциональном, но и цивилизационном, культурном пространстве.

Как отмечают В.А. Бачинин и В.П. Сальников, «если культура – это мир целей человеческого существования, то цивилизация – это мир средств, служащих достижению поставленных задач и целей» [1, с. 138].

Также и право формируется и развивается внутри культуры и цивилизации, с одной стороны, выполняя инструментальные, практические функции, с другой – являясь частью культуры и способствуя ее эволюции. Право помогает человеку реализовать свои творческие способности, духовно-нравственные и материальные потребности, вытекающие из целей его жизнедеятельности. В то же время, защищая и охраняя ценности личности, право одновременно через нормативную систему вносит в более широкое социальное пространство (общество и государство) ценности общего блага – справедливости и свободы. В свою очередь, ограничение свободы во имя общего блага – тоже есть цель права, выступающая мерой справедливости и равенства всех участников правовых отношений.

Целевые причины в праве обосновываются в процессе жизнедеятельности человека, общества, государства и становятся побудительной мотивацией для правомерного поведения, устанавливаемого материальным и процессуальным правом. «Под воздействием целевых причин праву сообщается энергия встречного долженствования, превращающая нормативно-правовые комплексы в системы естественного права, позитивного права или негативного права (неправа). В первом случае в роли целевых причин выступают универсальные ценности, во втором – корпоративные (чаще всего государственные) интересы морального характера, в третьем – имморальные задачи негуманного, неправового свойства, которыми руководствуются властные институты авторитарно-деспотических режимов» [1, с. 142], что является важным условием методологии научного исследования целей правовой процессуальной политики.

Принимая во внимание способность целей права видоизменяться в различных исторических условиях, в соответствии с функциональным – материальным и процессуальным – назначением права, необходимо ставить на первое место высокие цели политики права в целом. За ними следуют содержательно-функциональные цели прежде всего правотворчества, отражаемые в законодательстве. Если на первое место в правовой процессуальной политике ставить такие цели, как социальный правопорядок, личная, общественная и государственная безопасность (включая национальную, экономическую, культурную и иные виды безопасности), соблюдение, защита и охрана конституционных прав граждан и т. д., или еще выше – установление справедливости, равенства, свободы и др., то на инструментально-функциональном уровне эти цели должны быть конкретизированы в пределах предметной сферы конкретной отрасли права. В то же самое время, принимая во внимание цель системы права – упорядочивание и сбалансированность всевозможных потребностей и интересов всех субъектов правоотношений, а также возможность права предотвращать, находить и предлагать компромиссные правовые решения в снятии всевозможных конфликтных ситуаций и т. д., предполагается обоснование множества разных и разноуровневых целей правовой процессуальной политики как одного из ведущих компонентов правовой политики в целом.

Современная доктрина правовой политики России в числе разнообразных ее направлений (правотворческая, правореализационная, правоприменительная политика и т. д.) выделяет правовую процессуальную политику как в определенной степени самостоятельную сферу единой правовой политики государства, обеспечивающую эффективную деятельность должностных лиц по упорядочи-

ванию правовых отношений субъектов процессуального права при разрешении всевозможных юридических конфликтов и споров.

Постановка проблемы определения целей процессуальной правовой политики имеется в юридической литературе в связи с изучением многоплановости и многовекторности целей в праве (политике права), на достижение которых ориентируется правовая система той или иной национальной юрисдикции. Любой правовой системе свойственна прежде всего функциональная целесообразность, означающая соответствие тем целям, для которых предназначается правотворческая, правореализационная и правоприменительная деятельность. Разрешение спорных ситуаций, возникающих в области общественных отношений, требует участия права и его институтов в нахождении и применении сбалансированных юридических средств и механизмов, при помощи которых возможно устанавливать, сохранять и поддерживать правопорядок. Эту задачу в равной степени (одновременно и во взаимодействии) призваны решать материальное и процессуальное право. При этом стратегии и тактики развития того и другого права обосновываются в диапазоне теории правовой политики России как в целом, так и по каждому из ее направлений.

Например, В.А. Пономаренков и О.Г. Порунова в числе ближайших целей процессуально-правовой политики называют: «...повышение степени упорядоченности юридического бытия, совершенствование существующих юридических средств и процессуальных механизмов для повышения качества и обеспечения эффективности процессуальной деятельности. Стратегическая цель – регламентация правовых инструментов изначально предполагающих учет социально-факторных элементов в процессуальных отношениях» [2, с. 97]. В числе задач процессуально-правовой политики называются обеспечение социальной справедливости и правовой защищенности, улучшение координации работы субъектов, занимающихся процессуальной деятельностью, безусловное исполнение судебных решений и т. д. [2, с. 98–99].

Расстановка целей процессуально-правовой политики и обоснование ее задач в данном случае представляются недостаточно выверенными с методологической точки зрения. Цель является идеальным образом, исходным пунктом, «двигательной силой», направляющим фактором в любой деятельности. Цель выступает в качестве внутренне-побуждающего начала в деятельности людей по преобразованию правовой действительности. Реализация же данных целей как раз и осуществляется в человеческой деятельности, что имеет «прямое методологическое отношение к познанию права и законодательства» [3, с. 295]. «Ближайшие цели выражают актуальные задачи правового регулирования в данный период исторического развития <...> перспективные выражают отдаленные результаты...» [3, с. 300–301], как справедливо подчеркнуто Д.А. Керимовым.

Представляется, что отмеченное В.А. Пономаренковым и О.Г. Поруновой в качестве ближайшей цели «повышение уровня степени упорядоченности юридического бытия и как стратегической цели – регламентации правовых инструментов правовых отношений» переставляет местами актуальные и будущие цели процессуальной правовой политики. Кроме того, при таком подходе средства (правовые инструменты) смешиваются непосредственно с целями. В этом смысле методологические уточнения видятся оправданными, в том числе по причине

умаления значения целевой детерминации такой важной части политики права, как правовая процессуальная политика.

Современная методология, понимаемая в качестве системы построения и организации научной и практической деятельности по совершенствованию правовой картины мира, придает серьезное значение изучению целевой детерминированности и целеполаганию в юриспруденции (науке, образовании и практике). Любая государственная, социальная и правовая система ключевым вопросом своей эффективности определяет целеполагание как опережающий непосредственно формирование целей и осуществление деятельности концепт [4, с. 391]. Последний базируется на интересах и потребностях личности, общества и государства и транслируется в содержательную сферу правовой, в том числе процессуальной, политики права в контексте конституционных правоположений.

Несмотря на «человекоцентристский» характер правопонимания, заложенный в основу Конституции России, представляется не менее важным ценностно-ориентированный характер правовой процессуальной политики всех участников правовых отношений, обладающих качествами правосубъектности. Отсюда следует, что необходимо методологическое обоснование целей рассматриваемого вида правовой политики, базирующихся на общеправовых принципах равенства (в том числе формального равенства, если речь идет о юридическом процессе), гуманизма, законности, справедливости, единстве прав и обязанностей и т. д., конкретизируемых отраслевым процессуальным законодательством в зависимости от сферы правового регулирования (конституционный, гражданский, уголовный, административный и арбитражный процессы).

Интересы права при объяснении целей правовой процессуальной политики должны отвечать требованиям и отражать особенности того или иного конкретного исторического периода. Аргументация целей предусмотрительно должна учитывать общегуманитарные, политические, экономические, социальные, духовно-нравственные и иные факторы, влияющие прямо или опосредованно на процессуальную политику права через методологию прогнозирования. Последняя для нахождения путей обоснования целей является существенно важной и ориентированной как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу с учетом предвидения тех интересов и потребностей, которые характерны для того или иного этапа государственности [5, с. 49, 52]. В свою очередь, постановка цели и учет возможных результатов ее достижения способствуют коррекции предвидения, а реальное ее осуществление выступает критерием истинности [6, с. 16].

Прогнозирование целей правовой процессуальной политики должно осуществляться с использованием метода правового моделирования: «Моделирование преследует две цели: во-первых, познать само правовое явление через анализ его признаков, свойств, характеристик, выделенных для моделирования; во-вторых, предсказать, спрогнозировать развитие, динамику, изменение, будущее оригинала» [8, с. 230]. Моделирование и прогнозирование правовой процессуальной политики, как отмечалось, основывается на конституционно-правовой доктрине соблюдения и защиты прав и свобод человека, с учетом интересов коллективных участников правоотношений.

Корреляция публичных, общественных и частных интересов в процессуальном праве прежде всего необходима в конституционном судопроизводстве. Рассуждая о потенциале конституционной юстиции, ее институты при принятии

процессуальных решений, как отмечает В.Д. Зорькин, «вынуждены преодолевать коллизии между различными конституционными ценностями (например, между национальной безопасностью и личными свободами). ...В связи с этим линейные методы, прежде широко используемые конституционным правосудием (простая дисквалификация соответствующих норм), сменяются поддержанием баланса между различными конституционными ценностями» [9, с. 235], формируя стратегию современного конституционного процесса в методологических и аксиологически важных правовых смыслах.

Аксиологический подход в формировании целей правовой процессуальной политики позволяет опираться на базовые, фундаментальные, исходные, абсолютные ценности процессуального права, принимая во внимание и относительную составляющую этих ценностей. Об этом рассуждают Р.Ф. Степаненко и Г.Н. Степаненко в работе «Ценность процессуального права: социально-философское измерение» [10, с. 62–64]. Авторами обосновывается значение естественно-правовых, общечеловеческих ценностей, выступающих эталоном нормотворчества (материального и процессуального), имеющих абсолютный характер. Относительной ценностью обладают те нормы процессуального права, которые необходимы для решения конкретных задач ситуационного характера в целях обеспечения определенных процедур, носящих конкретно-временное или топологическое (географическое) значение. В этом смысле постановка целей правового (юридического) процесса требует приложения усилий юридической науки, обосновывающей необходимость учета ценностей самого процессуального права с позиций как юридической догматики, так и социологии и философии права.

Соответственно, цели правовой процессуальной политики обосновываются положениями перечисленных научных теоретико-исторических дисциплин, концептуальной и мировоззренческой основой которых выступают свобода, равенство, справедливость. Следование постулатам уравнивающей, распределяющей и воздающей справедливости (по Дж. Ролзу) подтверждает ценность самого правового (юридического) процесса и его значение в цивилизационном развитии права на региональном и межрегиональном уровнях.

Уяснение и объяснение целей правовой процессуальной политики в зависимости от их реализации в публичном либо частном процессуальном праве требует глубокой аналитической научной работы. Правовая аналитика, будучи методологической основой юриспруденции в научной и практической областях, основанная на интеллектуальном потенциале ученых-правоведов, критическом, логическом и междисциплинарном мышлении, может способствовать совершенствованию правового (юридического) процесса, нацеленного на достижение высоких результатов по обеспечению личной, общественной и государственной безопасности всех субъектов правоотношений и реализации целей доктрины защиты прав и свобод человека в современной правовой реальности [11, с. 255].

Еще одним важным методологическим условием формирования целей правовой процессуальной политики является использование исторического подхода в правовой науке, в связи с чем нами будет осуществлен анализ природы и значения целей права в ближайший для современности советский период. Ретроспективный взгляд на изучаемую проблему позволит выявить динамику видоизменения целей в праве, особенности конкретных периодов, влияющие на

формирование закономерностей модификации целей, в частности, правовой процессуальной политики.

Подверженность юридической науки выдвижению практических целей вполне объяснима ее основными постулатами совершенствования законодательства, судебной практики и правоприменения в целом. Телеология как учение о целях находит свое объяснение в разных научных направлениях юриспруденции, изучающих процессы правореализации, в том числе правоприменения, но прежде всего нормотворчества и всего, что с ним связано. Здесь следует отметить роль Казанской научной правовой школы, занимающейся с середины XX в. вопросами телеологии и непосредственно целей права.

Так, о телеологическом толковании советского закона и правотворчества концептуально рассуждает в своих работах Т.Я. Хабриева. Она отмечает: «Телеологическое толкование в правотворчестве – осуществляемая субъектами права деятельность по установлению целей закона с помощью обособленной совокупности специальных приемов, направленная на раскрытие общего смысла и содержания правовых норм» [12, с. 12]. Формулирование цели закона в ходе его обоснования означает уяснение не только политических, социально-экономических и других закономерностей, но и наличных целей действующих правовых норм. Эта цель должна вытекать из целей более высокого порядка, но не только из них. Цели более низкого порядка важно учитывать в связи с необходимостью скоординированности, соподчинения, подчинения – согласованности всех правовых актов и норм. Следует придерживаться таких правил и в ведомственном правотворчестве, однако цель телеологического толкования должна отвечать общегосударственным интересам, а главное – соответствовать Конституции СССР, содержащимся в ее преамбуле нормам – целям и всем корреспондирующим положениям Основного закона, кроме того, важно установить единство законодательства и его целей на всей территории СССР. «Цели законов в субъектах СССР обладают относительной самостоятельностью, конкретизируя, развивая и дополняя в пределах своих компетенций положения союзного законодательства» [13, с. 27–29], как отмечает Т.Я. Хабриева, рассматривая цель толкования законов советского периода.

Остановливая свое внимание на наличии целей, по объему не совсем совпадающих с общими целями правового «регулирования», автор говорит о необходимости «специального их определения, а также корректировки с общими и иными целями законодательства» [13, с. 30], то есть с целями правотворческой процессуальной политики (в контексте нашей работы).

В контексте формулирования целей правотворческой (федеральной, региональной, локальной) и процессуальной политики права следует остановить свое внимание на целях правоположений, которые рассматриваются в работах С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, Н.Н. Вопленко, В.В. Лазарева и др.

Так, В.В. Лазарев под правоположением понимает «поднормативное средство юридического воздействия» [14, с. 7], используемое в процессе правоприменения путем относительно самостоятельной деятельности (собираание и оценка доказательств, выбор определенных правовых норм и т. д.) при вынесении решений и приговоров суда, определений судебных и надзорных органов, в разъяснениях и инструкциях, постановлениях Президиума Верховного Суда, Пленума Верховного Суда и др., которые «более тесно, чем правовые нормы, связаны

с фактическими обстоятельствами» в ходе юридического (юрисдикционного) процесса.

Правоположения имеют такие формы реализации, как толкование и конкретизация права. Это праворазъяснительные и правоконкретизирующие процедуры осуществления деятельности уполномоченными и компетентными представителями органов судебной ветви власти, прокуратуры. Отдельное значение в уяснении целей правоположений имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, носящие, как и правоположения, прецедентный характер, но обусловленные общими и специальными целями.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, как отмечает В.Д. Зорькин, «в условиях повышения самостоятельности судебной власти, выступающей основным гарантом защиты прав и свобод, являются первостепенным (ключевым) условием изменения качества всей судебной деятельности» [15, с. 1, 9], обозначая новый этап и обосновывая фундаментальные (универсальные, общие) цели изначально правотворческого, а затем и правоприменительного процессов.

Цели правовой процессуальной политики, так же как и самого процессуального права, видоизменяясь, но не отклоняясь от сути и абсолютных ценностей права, в то же самое время были сосредоточены на доминировании тех или иных интересов государства, общества или личности. Например, советский период отличался от современного преобладанием роли государства, позднее – общества; на сегодняшний день на первый план выдвигаются интересы личности благодаря признанию высшей ценностью прав и свобод человека.

Другой представитель Казанской юридической школы – Ф.Н. Фаткуллин, исследуя соотношение законности и целесообразности, писал: «В наших законах и других нормативно-правовых актах выражена высшая социальная целесообразность, достигаемая государством <...> при их помощи цели являются приоритетными, и отклонение от них под предлогом желательности “иных целей” способно причинить вред общественным интересам <...> значит, в рамках, регулируемых социалистическим правом... целесообразность есть... сообразование участниками этих отношений своего поведения с той социальной целью, ради которой установлена... правовая норма» [16, с. 112]. Сказанное Ф.Н. Фаткуллиным означает доминирование социальных целей в праве и политике права, в том числе в правовой процессуальной политике в период действия социалистического права.

Ранее, в период становления советского государства и права, интересы государства объявлялись первичными, что объяснимо сложностью сохранения и изменения основ государственности той эпохи. Соответственно, и цели процессуальной политики диктовались интересами государства. Например, создание революционных трибуналов и закрепление сферы их компетенций в ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР было исключительно в интересах государства. Подведомственные им дела о государственных преступлениях (ст. 57–73, 119 УК РСФСР), дела против порядка управления (ст. 74–78, 80 и т. д.), дела о воинских преступлениях, об особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях против государственного имущества и, собственно, общие начала применения наказания в Уголовном кодексе 1922 г. формулировались так: «Уголовный кодекс РСФСР имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов...».

Аналогично Гражданско-процессуальный кодекс 1923 г., регулирующий процессуальные правоотношения, установленные Гражданским кодексом РСФСР 1922 г., конкретизирует допущения распространительного толкования ГК РСФСР (правоположений), считая таковое возможным в случае, «если этого требует охрана интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс» (ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.). Охрана отмеченных видов интересов в тот период была продиктована необходимостью построения нового права и государства и, соответственно, совпадала с политико-идеологическими целями той эпохи. Соответственно, акцентирование внимания на интересах того или иного участника правоотношений, как показывает краткий ретроспективный анализ, изменяет методологию как научной, так и практической области юриспруденции.

Для объяснения сказанного необходимо обратиться к работе еще одного представителя Казанской научной школы по вопросам исследования целей права. Так, в монографии Л.Д. Чулюкина «Природа и значение цели в советском праве» (Казань, 1984) изучаются методологические проблемы познания цели в праве как категории и явления, факторы, обуславливающие цель общего (нормативного) регулирования, деятельностные аспекты законодательного регулирования и саморегулирования и постановка правовых целей в данных областях.

Отмечая взаимосвязь эффективного правового регулирования и поставленных целей, Л.Д. Чулюкин указывает на невозможность достижения позитивного результата действия права вне обоснования его целей. Он справедливо утверждает: «Без исследования цели субъектов нормотворчества и правореализации невозможна разработка теории эффективности правовых норм и индивидуально-правовых актов и практические изыскания в этой области» [6, с. 4].

Примечательно, что социалистическое право и его цели признавались «общенародными», что придавало ему (праву) характер универсальности, общезначимости в контексте справедливости, на которой сегодня, как и ранее, заостряется внимание теоретического правоведения. В работе Л.Д. Чулюкина цели объяснялись с позиций культурно-воспитательного характера, что означает широкое понимание права в социокультурном контексте. О праве как социокультурном феномене, и непосредственно его процедурности, и шире – процессуальности в качестве элементов правокультурного процесса в сфере упорядочения общественных отношений сегодня также пишут представители Казанской юридической школы Р.Ф. Степаненко и А.В. Солдатов [18, с. 9].

Вместе с тем, рассматривая философское обоснование категории «цель», Л.Д. Чулюкин конкретизирует ее методологическое понимание посредством «материального измерения» цели субъектов правовой деятельности, а также преобладанием в первую очередь общественного интереса в объяснении целей права. Автор ставит задачи выявления цели: а) в отношениях цели субъектов правовой деятельности к материальному миру; б) в ее связях с закономерностями общественной жизни; в) в изучении категориальной природы понятия «цель», [6, с. 6], что в целом характерно для периода действия социалистического права и государства с точки зрения декларирования общественного интереса. Между тем далее автор демонстрирует богатое содержание категории «цель», включающее в себя психологический, чувственный, эмоционально-волевой аспекты, т. е. «элементы воли реальных индивидов». Следовательно, и философский, и психологический аспекты, участвующие в объяснении категории «цель», важны при

изучении процессов целеобразования, целеосуществления в праве как структурообразующие факторы всей правовой деятельности, учитывающие интересы не только общества, но и конкретных индивидов.

В связи с вышеизложенным В.Е. Чиркин отмечает: «Личное, частное, общее и публичное нельзя разгородить “китайской стеной”. В личном и частном может быть нечто общее, поэтому одна из важнейших задач конституционного права – комплексно, в единстве обеспечить основы справедливых и законных личных, частных, публичных интересов, общего и общественного...» [19, с. 182–182]. Исходя из этого, цели процессуальной правовой политики должны соразмерно удовлетворять интересы личности, которым конституционным законодательством отдан приоритет. Кроме того, общество и государство – тоже суммированное количество личностей, поэтому соблюдение, защита и охрана конституционных прав человека и гражданина представляются нам основной целью процессуальной правовой политики.

Сказанное позволяет нам определить основное значение правовой процессуальной политики через обоснование ее целей, направленных на достижение конкретного результата. Методологически важно установление баланса интересов человека, общества и государства, которое в процессе правотворчества, правореализации, в том числе правоприменения, позволит обосновать общие цели правовой процессуальной политики, охватывающей в своих стратегиях все виды правового процесса (конституционного, гражданского, арбитражного, уголовного и административного). Не менее важным является установление специальных целей непосредственно юридического процесса, учитывающих особенности стратегии и тактики правоприменения, судопроизводства и т. д., что должно соответствовать методологическим принципам комплексности, всесторонности и системности юридической науки.

Источники

- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>, свободный.
- УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВЦИК 26.05.1922) // Собрание узаконений РСФСР. 1922, № 15, ст. 153.
- УПК РСФСР – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВЦИК 26.05.1922) // Собрание узаконений РСФСР. 1922, № 20–21, ст. 230.
- ГК РСФСР – Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВЦИК 31.10.1922) // Собрание узаконений РСФСР. 1922, № 71, ст. 904
- ГПК РСФСР – Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВЦИК 10.07.1923) // Собрание узаконений РСФСР. 1923, № 46–47, ст. 478.

Литература

1. *Бачинин В.А., Сальников В.П.* Причинность как философско-правовая проблема / Под общ. ред. В.П. Сальников. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2002. 184 с.
2. *Пономаренков В.А., Порунова О.Г.* Процессуально-правовая политика современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 96–102.

3. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М.: Изд-во Современ. гуманит. ун-та, 2011. 520 с.
4. Степаненко Р.Ф. Актуальные вопросы целеполагания в юридической науке: теоретико-методологические аспекты // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы III Всерос. научно-практич. конф. с международным участием (Чебоксары, 16 ноября 2023 г.) / Ред. кол.: Ж.В. Мурзина и др. Чебоксары: Среда, 2023. С. 390–393.
5. Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54.
6. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 103 с.
7. Голубцов В.Г., Валеев Д.Х. Правовое моделирование как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 276–296.
8. Валеев Д.Х., Маколкин Н.Н. Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации // Вестн. гражд. процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 227–243.
9. Зорькин В.Д. Право против хаоса. М.: Норма; Инфра-М, 2019. 368 с.
10. Степаненко Р.Ф., Степаненко Г.Н. Ценность процессуального права: социально-философское измерение. М.: Блок-Принт, 2022. С. 62–70.
11. Степаненко Р.Ф., Бакулина Л.Т. Правовая аналитика как методологическая основа юриспруденции: общетеоретический аспект // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы / Под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 251–262.
12. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 17 с.
13. Насырова Т.Я., Лазарев В.В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчества // Правоведение. 1988. № 2. С. 27–33.
14. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
15. Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона // Российская газета. 2021. № 247. С. 1, 9.
16. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.
17. Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. Правокультурные процессы в юридическом образовании: проблемы и перспективы // Вестник ТИСБИ. 2021. № 2. С. 5–12.
18. Чиркин В.Е. Личные, частные и публичные интересы в современных конституциях // Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 25–26 марта 2016 г.) / Отв. ред. М.В. Немытина. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. С. 177–183.

Поступила в редакцию 22.09.2023

Принята к публикации 17.11.2023

Исаев Эдуард Евгеньевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: eee.isaev@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)**2023, vol. 165, no. 6, pp. 7–18**

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.6.7-18

Objectives of Procedural Policy: General Legal and Methodological Aspects*E.E. Isaev**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: *eee.isaev@gmail.com*

Received September 22, 2023; Accepted November 17, 2023

Abstract

This article outlines the challenges of setting objectives for the current procedural policy in Russia. The primary focus is on the methodological support of research in the field under study. For a comprehensive and thorough analysis of the objectives of Russian procedural policy, the following factors are crucial: distinguishing between absolute and relative values, understanding the relationship between “legal” and “judicial” processes, setting priorities and tasks for fulfilling the pursued tactical and strategic objectives, considering the constitutional and legal doctrine of protecting citizens’ rights and freedoms, and many other factors that require theoretical jurisprudence to address the concept of procedural policy in Russia. In this context, the main objectives of procedural policy are determined by either public or private law in relation to the intended functions of these institutions.

Keywords: legal policy, procedural policy, methodology, objectives of law, interests, prediction in law, theory of justice

References

1. Bachinin V.A., Sal’nikov V.P. *Prichinnost’ kak filosofsko-pravovaya problema* [Causality as a Philosophical and Legal problem]. Sal’nikov V.P. (Ed.). St. Petersburg, S.-Peterb. Univ. MVD Rossii, Fond “Universitet”, 2002. 184 p. (In Russian)
2. Ponomarenkov V.A., Porunova O.G. Procedural policy of modern Russia. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn’*, 2016, no. 4, pp. 96–102. (In Russian)
3. Kerimov D.A. *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Legal Methodology. Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law]. Moscow, Izd. Sovrem. Gumanit. Univ., 2011. 520 p. (In Russian)
4. Stepanenko R.F. Topical issues of setting objectives in jurisprudence: Theoretical and methodological aspects. *Aktual’nye voprosy gumanitarnykh i sotsial’nykh nauk: ot teorii k praktike: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 16 noyabrya 2023 g.)* [Current Problems of Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice: Proc. III All-Russ. Sci.-Pract. Conf. with Int. Participation (Cheboksary, Nov. 16, 2023)]. Murzina Zh.V. et al. (Eds.). Cheboksary, ID “Sreda”, 2023, pp. 390–393. (In Russian)
5. Stepanenko R.F. Anticipation in law: Methodological possibilities and perspectives. *Gosudarstvo i Pravo*, 2022, no. 11, pp. 47–54. (In Russian)
6. Chulyukin L.D. *Priroda i znachenie tseli v sovetskom prave* [The Nature and Meaning of an Objective in Soviet Law]. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 1984. 103 p. (In Russian)
7. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. Legal modeling as a method of civil research. *Metodologicheskie Problemy Tsivilisticheskikh Issledovaniy*, 2021, no. 3, pp. 276–296. (In Russian)
8. Valeev D.Kh., Makolkin N.N. Predicting the dynamics of judicial defense in the era of digitalization. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 227–243. (In Russian)
9. Zor’kin V.D. *Pravo protiv khaosa* [Law against Chaos]. 2nd revis. and enlarged ed. Moscow, Norma, Infra-M, 2109. 368 p. (In Russian)

10. Stepanenko R.F., Stepanenko G.N. *Tsennost' protsessual'nogo prava: sotsial'no-filosofskoe izmerenie* [Unveiling the Value of Procedural Law: Socio-Philosophical Reflections]. Moscow, Blok-Print, 2022, pp. 62–70. (In Russian)
11. Stepanenko R.F., Bakulina L.T. Legal analytics as a methodological basis of jurisprudence: General theoretical aspect. In: *Yuridicheskaya deyatel'nost': sodержание, tekhnologii, printsipy, idealy* [Legal Activity: Content, Technologies, Principles, and Ideals]. Rybakov O.Yu. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2022, pp. 251–262. (In Russian)
12. Nasyrova T.Ya. Teleological interpretation of the Soviet law: Concept, content, and role in legal practice. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 1985. 17 p. (In Russian)
13. Nasyrova T.Ya., Lazarev V.V. Teleological interpretation of the Soviet law and lawmaking. *Pravovedenie*, 1988, no. 2, pp. 27–33. (In Russian)
14. Lazarev V.V. Legal provisions: Concept, origin, and role in the mechanism of legal impact. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Pravovedenie*, 1976, no. 6, pp. 7–15. (In Russian)
15. Zor'kin V.D. Under the sign of the Constitutional Law. *Rossiiskaya Gazeta*, 2021, no. 247, pp. 1, 9. (In Russian)
16. Fatkullin F.N. *Problemy teorii gosudarstva i prava: kurs lektsii* [Problems of the Theory of State and Law: A Course of Lectures]. Marchenko M.N. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1987. 336 p. (In Russian)
17. Stepanenko R.F., Soldatova A.V. Juristic and cultural processes in legal education: Problems and prospects. *Vestnik TISBI*, 2021, no. 2, pp. 5–12. (In Russian)
18. Chirkin V.E. Personal, private, and public interests in modern constitutions. *Interesy v prave. Zhidkovskie chteniya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 25–26 marta 2016 g.)* [Interests in Law. Zhidkov's Lectures: Proc. All-Russ. Sci. Conf. (Moscow, March 25–26, 2016)]. Nemytina M.V. (Ed.). Moscow, Ross. Univ. Druzhby Nar., 2017, pp. 177–183. (In Russian).

⟨ **Для цитирования:** Исаев Э.Е. Цели правовой процессуальной политики: общеправовые и методологические аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 6. С. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.6.7-18>. ⟩

⟨ **For citation:** Isaev E.E. Objectives of procedural policy: General legal and methodological aspects. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 6, pp. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.6.7-18>. (In Russian) ⟩